

Культура. — 1993.
Старое фото

АЛЛА НА ШЕЕ

Конечно, у каждого времени свои стереотипы, по которым, в сущности, и подбирает оно соответствующие кандидатуры на официальные, полуофициальные и вовсе уж не формальные звания самой обаятельной и привлекательной. Однако если уже среди самих этих королев эпох и народов устроить конкурс, то наверняка в избранном обществе, от Елены Прекрасной до любой из красавиц будущих времен, останется местечко для русской актрисы **Аллы ЛАРИОНОВОЙ...**

Но было бы смешно доказывать этот тезис отдельными примерами из творческой биографии. Потому что амплуа Ларионовой — именно невысказанность, несказанность того огромного, рокового женского начала, которое ей не нужно играть, — оно задано в ней с рождения. Словом, «эта таинственность, эта сверхъестественная, дикая сила придавали лежавшей около него женщине особую непонятную прелесть, какой он и не замечал ранее».

Так написал об Алле Дмитриевне не кто-нибудь, а сам Антон Павлович. Не верите? Прочтите сами «Ведьму», «Анну на шее», «Три сестры»... Но и Чехов был не одинок в этом

своем мнении о Ларионовой. То же думали о ней и Шекспир в «Двенадцатой ночи», и Толстой в «Садко»... А звалась ли она Раисой, Анной или Натальей, Оливией или Любовью — это уже чистая случайность.

Вовсе не поэтому, начиная с пятидесятих годов, несколько поколений русских с тревогой и надеждой смотрели на это прекрасное лицо. Ведь у каждого была женщина, которой он не понимал, и у каждой жила надежда на мужчину, который поймет... И все это нельзя было назвать иначе, чем Алла Ларионова.

Рубрику ведет
Анна ИТЕНБЕРГ.

1993

Ларионова Алла